

Однажды вышло так, что я переспал с учительницей танцев, преподававшей моей младшей сестре основы балета. Это не было балетом в общем понимании слова, это было скорее подражание изящному танцу. Нужно сказать, что близость эта произошла совершенно случайно и неожиданно, как происходят чаще всего подобные истории. Самое удивительное тут то, что я не стал таить это от своей сестры и рассказал об этом случае, не в подробностях конечно, но с явной подоплекой сексуального контраста. На удивление, или скорее на счастье, сестра очень легко восприняла эту весть и даже была как то взволнована и польщена. Она, смотря теперь на свою учительницу, наблюдая за ней, видела то, что не видели другие, замечала в ее внезапно для всех понежневшем настроении ту незамысловатую причину, для остальных скрытую и неведомую. Взрослый человек несомненно бы догадался в чем дело, но для детей тогда такая перемена стала весьма большой странностью.

Я не буду рассказывать о том как именно произошло у меня сближение с женщиной, обучавшей мою сестру, ввиду ее банальности и непонятности ощущения. Отходя от ее жарких поцелуев тогда, возвращаясь домой, я замечал пустоту внутри головы, пустоту, сбедающую мозг, то есть мне странным образом все это не понравилось и я ощущал отвращение к себе и почему то вдруг стыд. Да, мне было по настоящему стыдно за этот случай, но я выпил, мне стало легче, я выпил еще, мне стало весело, я влил в горло третью — и мне стало интересно, что об этом подумает сестра. стыд испарился, поглотился спиртовыми парами и я в них, кажется, растаял тогда и весело пришагивая отправился к сестре. Мне было восемнадцать, а ей на два года меньше. Она каждый вечер сидела за учебниками и штудировала русский язык, она была очень хороша в математике, но русский ей приходилось штудировать из раза в раз все дольше и дольше, ведь на носу был главный, самый важный, самый страшный и грозный экзамен в ее жизни.

Я открыл белоснежную дверь ее комнаты, там, внутри, все было в кремовых тонах, но дверь была белоснежная. И сестра вдумчиво нависала над огромной книгой, освещенная лишь настольной лампой, ее лицо было скрыто за локоном длинных очаровательно красивых в своем натуральном светло-русом цвете волос. Она сразу меня заметила, но не сразу оглянулась, она дала время подойти к ней и окликнуть, потому что она любила, когда я звал ее Ляля. В самом деле ее звали Лизавета, но я очень часто звал ее именно Лялей, это было проявлением братской нежности и, повторюсь, моя сестра любила это созданное мною в незапятнанном ее детстве прозвище.

— Ляля — сказал я тихо и вяло.

И моя сестра убрала локон с лица, и оглянулась. Улыбчивые изумрудные глаза ее, улыбающийся рот, легкий румянец, легкая бледность — все это было очарованием дарованным юностью. Она пахла юностью, весь ее стан был пропитан этим чудесным эликсиром молодости, беспечности, мягкости. Лицо ее было в пору женственным, но еще и в пору детским. И вся она уже была прехорошенькой юной дамой, застенчивой, краснощекой и слегка, как мне тогда казалось, наивной.

— Они заставляют меня испытывать отвращение к Пушкину, ну что это за люди — вкрадчиво улыбаясь, пожаловались Ляля мне.

— Брось, ты просто скоро свихнешься от этих книг — я успокоил ее одной лишь этой фразой,

и мне показалось, что вся ее напряженность и усталость растворились с моим появлением в ее комнате. Мне это польстило, но я собирался разрушить эту милую и невинную атмосферу,

— Ты сегодня была на танцах?

— О нет, я была позавчера, была бы сегодня, не дожидаясь до вечера. а к чему ты спрашиваешь? — она все еще пыталась смотреть в книгу, и совершенно не подозревала о том, к чему я спросил это

— Лиза, это насчет Василисы Евгениевны

— С ней что-нибудь случилось?

— Не знаю как сказать, случилось, полагаю, но не только с ней

— Борь, ты же знаешь как я ненавижу, когда вот так тянут за хвост

— Хах, я даже еще и не начинал тянуть

— Так что же с ней случилось?

— Ну, я с ней случился

— Что ты несешь, о чем ты?

— Я ходил к ней, поговорить

— О чем тебе с ней говорить то? — Бровь Ляли постепенно поднималась, а лицо коверкалось, создавая гримасу неподдельного удивления, и мне поднимало настроение это изменение, даже в тоне ее голоса чувствовалось зудящее, нетерпеливое желание узнать о том, что знает ей совершенно не нужно

— Понимаешь, я хотел с ней поговорить, и она была не против

— Ох, Борь, ты где же с ней разговаривал, и о чем же?

— У нее в квартире, и мы не про тебя говорили, и не про балет

— Это так противно... если это то, о чем я думаю!

— Да, мы с ней почти и не говорили... мы спали

— А мне к чему это все знать? Мой брат настоящий плут, думаешь, мне приятно это знать? — Щеки ее краснели, лицо заливалось краской, вся она поглощалась новым, запретным чувством, необъяснимым, даже чем то жутковатым. Мне тогда так казалось, что она открывает в себе что то новое, но я ошибался, это новое она испытывала уже и не раз. А тем вечером, передо мной она играла это удивление, и я поверил, абсолютно ей поверил.

— Ну, потому что я дарю тебе это удовольствие наблюдать за ней

— И что я в ней увижу нового, мой глупый развращенный братец?

— Перемены, это сразу заметно, особенно у женщин ее возраста

— Возраста... — мы почему то улыбнулись друг другу. Я понял, что она не злится, а она поняла, что надурила меня.

— Так что, твой глупый братец не будет в изгнании?

— Куда ж тебя девать, живи, трахайся и пей

— И работай

— работа, это не жизнь

— отличное замечание, моя невинная сестра

— То, что они хотят сделать с нами на экзамене по русскому нельзя назвать невинностью. так что прости, меня так называть нельзя

Мы дружно засмеялись, а потом еще пообщались на совершенно отдаленные темы и нежно попрощавшись отправились по комнатам спать.

Мы жили вдвоем последние года пол. Родители уехали в другую страну, полагая, что я

нешлохо справлюсь с ролью главы себя и сестры. Так что мы были свободны от постоянного контроля и наблюдений. Я был очень либерален, да и понимал, что сестра не совсем уже ребенок и контролировать себя научилась. Вот я и не волновался за нее, и она поводов не давала, моя прихорошая младшая сестра Ляля.

II

Дня через четыре после нашего разговора, мы с сестрой сидели в зале на диване и болтали о пустяках. Мы словно забыли про то, что я ей сказал, и по обоюдному согласию, безмолвному, просто молчали об этом. Но во время того разговора на диване, сестра внезапно спросила про свою учительницу. Я ответил, что не желаю больше ходить к ней, что меня сдает позор. Тогда, к моему изумлению, сестра сказала, что позора в самом деле тут нет, она наблюдала за изменениями своего руководителя и эти перемены были довольно славными. Моя сестра, лукаво улыбаясь, сидя напротив меня, близко, тихо, почти шепотом намекнула на то, что мне нешлохо было бы продолжить ходить к ее учительнице. И тогда бы мне поймать ее, заметить бы ее коварство в глазах, неестественную кривизну подозрительной улыбки. Но я был изумлен и слеп, совершенно слеп и думал я тогда совсем о других вещах. И я согласился с сестрой, я вновь пошел к Василисе и я вновь был с ней. И были жаркие объятия, и была неподдельная взрослая страсть, которая захватывала меня теперь с головой. Ее обдуманная спокойная живительная страсть, желание наслаждаться моментом, а не рвать на себе шкуру от спешки и вожделения. Она учила меня тогда этим азам, этим скрижалям, каменным заповедям новой, неведомой мне страсти, она учила меня сексу, как высшему удовольствию и каждый раз, черт возьми, мы умирали вместе, и вместе рождались.